

О ЧЕМ ПЛАЧУТ ВЕДЬМЫ

В этой части города парадные мундиры дворцовой гвардии были явлением необычным. Поэтому из темноты подвалов и трущоб, из узких окошек покосившихся домов, из пыльных переулков на солдат с опаской, но и с любопытством глазели те из жителей окраин, что посмелее. Впрочем, то, что они увидели, было уже настолько необыкновенно, что некоторые и вовсе забыли про осторожность и, не скрываясь, тарасили глаза. Потому что посреди четкого гвардейского строя на нетерпеливом породистом коне гарцевал сам Принц-правитель. А уж его на окраине города не видели никогда. То есть не только его лично, но и никого из его предшественников. В глухих и невнятных легендах окраинных трущоб на эту тему не говорилось ни слова.

Бывалый нищий, в молодости промышлявший в богатых кварталах мелким воровством, а теперь отошедший от дел и пробавлявшийся более respectableм и безопасным ремеслом — попрошайничеством — обернулся к своему юному ученику-подмастерью, во все глаза глядевшего на невиданное, и пробурчал, сияясь справиться с неприличным его возрасту потрясенным выражением лица:

— Не иначе, к Колдуну направился. Что еще ему тут делать.

В лице молодого подмастерья произошла разительная перемена. Теперь оно было полно снисходительности и затаенного злорадства:

— Это зря. Ничего он у Колдуна не допросится.

Старый попрошайка усмехнулся печально. Он хорошо понял причину сдержанного торжества ученика: невезучим этого мира всегда приятно видеть или хотя бы предвкушать унижение везучего, это как бы уравнивает их перед судьбой. Ничего не ответив, нищий развернулся и пошел прочь от узкой улочки, где проехал Принц. Ему было досадно, что недобрый порыв ученика был созвучен и его первой мысли — ничего Принц у Колдуна не допросится. Уж это знали все в здешних трущобах: Колдун отказывает всегда. Всегда! Исключений не бывает. Колдуну ни до кого нет дела.

— А почему Колдун всегда отказывает? — как бы угадав мысли старого учителя, спросил подмастерье, — ведь ему же ничего не стоит. Его и просят-то о пустяках. А он, говорят, колдун очень сильный. Почему ж он отказывает?

— Подрастешь, поймешь, — огрызнулся старый нищий, — но, не в силах сдержатъ желание показать свою осведомленность глупой молодости, продолжил, — там какая-то путаница. Вроде бы Колдун не всем отказывает, а только тем, кто просит для себя.

— Так это одно и то же, — тут же перебил ученик, — для кого ж еще просить?

— Я же говорю, путаница, — досадливо отмахнулся старик и уже больше ничего не стал говорить. А молодой еще долго вполголоса возмущался нечестностью Колдуна: надо же, придумал условие, которое обесценивает любое чудо, даже пустячное. Кому ж оно нужно, если не для себя? А может, договориться с приятелем, что попрошайничает через улицу, и попросить друг для друга? Хотя

вряд ли, раз уж он сразу догадался, то и другие, наверное, уже пробовали. Если б получилось, все бы так делали. Только, видно, и Колдун не дурак, умеет разобраться, что к чему.

За последним поворотом, за которым открывался дом Колдуна, отряд охран Принца-правителя замедлил шаг. Среди скособоченных и бедных хижин и лачуг городской черни дом Колдуна выделялся добротностью и, одновременно мрачным запустением. Он был велик, но не в высоту, а вдаль. Неужоженность еи бросалась в глаза во всем: от полуобвалившихся стен ограды и обшарпаннь колонн у входа, до плотно закрытых невесть когда ставнями и заросши паутиной окон.

Войдя в проваленные внутрь ворота и подойдя к дверям, отряд остановился замешательстве. Никто не вышел навстречу, не было вообще заметно, чтоб обитатели (обитатель?) дома, если они были, заметили прибытие — не ког нибудь, а правителя города!

Принц-правитель был молод и, по общему признанию горожан, чрезвычайн везуч. Оба эти качества не прибавили ему терпения. И, хотя злым человеком с не был, нетерпение иногда заставляло его поступать опрометчиво. Впрочем жилось при нем спокойно, и о городе своем он как мог заботился. В этом, как и н всем, ему везло. И за это ему прощали всплески неразумности.

Уж совсем злые языки говаривали, что ему не давала покоя слава еи предшественника, прежнего правителя. Ко всей доброте и удачливости тот еи был мудр, да и (так говорили злые языки) размаха у него было побольш. Прежний правитель был бездетен, но, хотя нынешний Принц не был его сыно он пользовался всеми привилегиями наследника. А однажды (так говорят, н тому эту никогда не обсуждали громко) правитель объявил, что оставляет горс Принцу, и ушел. Говорили, что он устал, что всегда мечтал посетить далеки земли, что он был при смерти, и слух об уходе просто пущен, чтобы избежат смуты. А были и такие, кто говорил, что прежний правитель ушел посл размолвки с нынешним Принцем. Тогда тот был еще моложе и упрямей. И еще с был горд и беспокоился, что все славные дела будут сделаны, а ему, Принцу, так придется остаться в глазах горожан бледной тенью по-настоящему великои Правителя. И правитель ушел, — рассказывали шепотом, — потому что люби своего приемыша, и хотел ему счастья. А Принц, — тут обладатели злых язык шурили глаз, мол, сами делайте выводы, добрые горожане, — Принц его н удерживать не стал. И сделался правителем.

Много ли было правды во всех этих домислах — неизвестно. Но нетерпели Принц был. Поэтому, не дождавшись Колдуна у дверей, он велел вызвать его н дома. И солдаты принялись колотить в дверь.

— Что тебе нужно? — мягко окликнул вдруг Принца сзади невысоки взъерошенный человек. Одет он был беспорядочно, да и по всему было видн что за внешностью своей человек особенно не следил.

— А, ты здесь, Карло, — в тон ему ответил Принц и, бросив поводи подбежавшим от двери гвардейцам, соскочил с коня. — Можно мне войти?

— Я больше привык к имени Колдун, — пожал плечами неряшливо одетый человек и кивнул, — конечно, заходи.

Дверь дома растворилась сама и Колдун вошел внутрь. Принц следовал за ним. Но перед носом попытавшегося зайти следом гвардейца дверь резко захлопнулась, и на нее вновь посыпались удары встревоженной охраны.

Принц вздрогнул от звука резко захлопнувшейся двери, но, улыбнувшись, пошел дальше. Колдун и вовсе не отреагировал.

В доме повсюду царило то же запустение, что и снаружи. Многочисленные лестницы скрипели и кое-где обвалились. Большинство углов было скрыто в тени. В глубине комнат часто виднелась паутина. Привычной дорогой Колдун вывел гостя наверх, в относительно чистую комнату, куда сквозь большое окно проникал все же солнечный свет. Вдохнув, Колдун опустил в скрипучее кресло и махнул рукой Принцу на соседнее: садись, мол. Принц осторожно смахнул пыль и, подобрав плащ, опустил в кресло. Он не был тяжел, но кресло все-таки заметно накренилось.

— Не бойся, оно выдержит, — усмехнулся Колдун, не глядя на Принца.

— Я не боюсь, Карло, — Принц тоже усмехнулся, но смотрел он на Колдуна. Тот отвел глаза от окна и посмотрел на Принца выжидательно.

— Как ты живешь, Карло?

— Неплохо, как видишь.

— Но и не слишком хорошо. — Принц смотрел на Колдуна осторожно, как бы не зная, чего ждать.

— Не слишком хорошо, не слишком плохо... Это называется нормально. Так ведь?

— Да, — Принц улыбнулся, — это называется нормально.

— Все ли нормально у тебя, Принц? — слово “нормально” прозвучало у Колдуна немного грустно. Или просто предзакатная тень пробежала по лицу.

— Нет, — глаза Принца теперь тоже глядели грустно, но голос был скорее насмешливый, — ты обманул меня, Карло.

— Я? — удивился Колдун. Но удивился скорее вежливо, чем искренне. — В чем?

— Ты обещал, что я буду счастлив.

— И что же? Говорят, тебе всегда везет.

— Да, но это не счастье.

— Ох, — глаза Колдуна и вовсе затуманились, а лицо вдруг будто окунулось в темноту, так что даже вечернее солнце с трудом рассеяло эту тень, — какого же счастья тебе не хватает?

— Я не знаю, Карло. — Теперь голос принца звучал устало. — Я не знаю, но у меня его нет.

— Тебя любят люди, Принц?

— Да, любят.

— Тебе удаются твои замыслы?

— Ты знаешь, что да, Карло.

— У тебя есть развлечения?

— Даже слишком много.

— Ты богат?

— Конечно, — Принц улыбнулся грустно, и резко вскинул голову. — Но мне не хватает счастья. А ты обещал мне, что я буду счастлив. Я жду, что ты исполнишь обещание.

Колдун поднял глаза на принца, и в глазах этих плыла, клубилась и уходил вглубь тоска.

— Чего ты хочешь, Принц?

— Если бы я знал точно. — Принц пожал плечами. — Я хочу быть счастлив, но не знаю, как.

— Но ведь ты был счастлив еще недавно, — в голосе Колдуна слышались просительные нотки, да и звучать он стал гораздо тише.

— Да, мне так казалось. Но с каждым днем в моей жизни счастья все меньше. Меня все есть, но это — не то. Как будто радость жизни, да и сама жизнь уходит от меня. Да нет, я здоров. Просто все становится как-то пусто. Верни мне счастье Карло, или дай новое.

Колдун тяжело вздохнул, поднялся из кресла и подошел к окну. Закатные отблески красными волнами заиграли на складках его одежды, и расцветил волосы. Наконец, будто решившись на что-то, Колдун отвернулся от окна поднял глаза на Принца.

— Послушай, Принц. — Колдун замолчал, как будто с трудом подбирая слова потом вздохнул и продолжил, — Я... не могу.

Колдун замолчал и опустил голову.

— Нет, подожди, — Принц даже мотнул головой, отгоняя странные слова, — кэ это... “не могу”? Да ведь... Да как же — ты ведь можешь все, ты же мог раньше, кэ это “не могу”? Ты просто не хочешь. Не хочешь? Так и скажи. Я пойду к другому колдуну. Ты этого хочешь? Ты больше не хочешь мне помогать? — голос Принца едва не срывался.

— Послушай, — голос Колдуна звучал глухо, но твердо, как если бы он на что-то решился, — никакой колдун тебе не поможет. Счастье нельзя наколдовать. Не такой магии.

— Эй, Карло, — Принц улыбнулся криво, недоверчиво, — ну зачем ты так? Ведь столько лет ты отлично даже мог наколдовать мне счастье. И магия такая была! Что же теперь — нет для меня такой магии?

Казалось, слова Принца ранили Колдуна, на обычно суровом его лице отражалась боль.

— Да, Принц, все так. Счастье было. Но колдовства не было. Это было мое счастье

— Как это — твоё? — Принц смотрел озадаченно, но неприязненное выражение ушло с его лица.

— Счастье нельзя наколдовать, Принц. Но можно — подарить. Я подарил тебе свое счастье. И пока я *мог* быть счастлив, счастлив был — ты. Видно, мое счастье кончается, раз тебе стало его не хватать.

— Но, как же? Твое счастье? — Принц переваривал известие и, похоже, решил просто не поверить. Он был хорошим человеком, этот Принц, и показаться себе вором чужого счастья ему никак не хотелось. — Да ладно, брось ты, Карло. Скаж просто, что не можешь, и не выдумывай оправданий. Есть и без тебя колдуны.

— Хорошо, — Колдун устало опустил глаза, — будь по-твоему. Не могу. Ступай, ищи свое счастье.

Принц спиной отступил к порогу, потом резко развернулся и сделал шаг к выходу. Но все-таки что-то остановило его и Принц обернулся перед уходом:

— Но как же ты жил — без счастья. Даже без надежды? Зачем тогда жить?

Просто, как о чем-то очевидном и само собой разумеющемся, Колдун ответил, и Принцу показалось, что ответил он не ему, Принцу, а самому себе:

— Зачем жить? Я жил для тебя. Я боялся, что если уйду я, со мной тебя покинет и счастье. Только... я не думал, что оно умрет раньше.

Лицо Принца вспыхнуло, и, снова резко развернувшись, он бросил в лицо тяжело осевшему в кресле у окна Колдуну:

— И когда оно умерло — ты слышишь, умерло! — зачем тебе жить ТЕПЕРЬ??? Что, старик, незачем?!

И эхом прозвучало ему в ответ, отразившись от каменных стен:

— Незачем...

Суматоха охватила город. Принц-правитель отправлялся в путь. Было объявлено, что он хочет посетить соседние города и замки. Зачем — сообщено не было, а задавать лишние вопросы не стали. Правда, уже знакомые злые языки связывали этот спешный отъезд с недавним пожаром в городских трущобах. Говорили, что солдаты Принца сожгли дом Колдуна, и теперь правитель бежит из города, опасаясь мести старого мага, что хочет найти защитника среди колдунов или ведьм посильнее. Но злым языкам не слишком верили. Горожане любили своего Принца и частенько гордились им: только в их городе правитель был и удачлив, и добр, и молод, и красив одновременно. У соседей же правили все больше старики да старухи.

Наконец, на рассвете погожего дня, под приветственные выкрики горожан проехав через весь город от дворца к главным воротам, Принц-правитель покинул город в направлении ближайшего города-соседа.

Ведьма Бледного холма славилась своей сварливостью и знала об этом. Положа руку на сердце, изрядную часть этих слухов она распространяла о себе сама, чтобы досужим проезжающим неповадно было соваться в ее замок. В замке — ну, это громко сказано, просто дом ее находился на верхушке Бледного холма — ведьма жила одна, если не считать Рыжей швабры, мастерицы на все руки и, попутно, очень удобного средства передвижения. Вообще-то раньше ее звали феей за добрые дела, но в нынешнее время за добрыми делами люди обращались нечасто, а вот скверный нрав стал известен на всю округу, так что фея незаметно стала называться ведьмой, и ее это нисколько не расстраивало.

— Пусть все они пойдут... — говаривала ведьма и беззлобно уточняла куда, — и умоются своим... — тут ведьма указывала чем, и язык ее был совсем не ласковым. Сегодня с утра ведьма была занята стряпней, то есть всюю костерила Рыжую швабру, которая (естественно) смешивала не то и не так, в результате чего

банальный салат и впрямь начинал походить на колдовское варево. Вот в тако настроении и застал ее Принц, когда подъехал к ограде.

— Какие люди и — блин ведь! — без охраны, — не оборачиваясь поприветствовала Принца ведьма и тут же переключилась на процесс готовки, — Рыжая! Каким концом у тебя палка, я хотела бы знать! Кто так поливает? Кто э будет есть? Ты будешь, зубная щетка для слона?

Рыжая швабра безропотно продолжала перемешивать блюдо, и ведьма сменил гнев на милость:

— Ну ладно, прости меня, Рыжая. Это так, вырвалось.

Принц сошел с коня и теперь терпеливо ожидал приглашения. Наконец, ведьм обернулась к нему и, встряхнув стянутыми сзади в хвостик волосами, спросила и слишком гостеприимно:

— Чего тебе?

— Мне нужна помощь, — серьезно ответил Принц и, очень неожиданно посерьезнела ведьма.

— Помощь? А что, старый Карло перестал тебе помогать?

— Да.

— Дурак! — Это прозвучало для Принца настолько неожиданно, что он не понял к кому относилось это определение — к нему или к старому Карло. А когда с поднял на ведьму глаза, собираясь уточнить, что же имелось в виду, то увиде как крутого нрава ведьма — бывшая фея — всхлипывает, качает головой повторяет: “Дурак! Ну какой дурак...” И обращено это совершенно очевидно ему — к Принцу.

Во дворе у ведьмы горел костер, давая небольшой круг света. Ведьма с Принце сидели рядом на низеньких чурбачках, а Рыжая швабра разливала травянк отвар в глиняные чашки. Ведьма обходилась без обычной насмешливк пикировки, и лицо ее было просто очень усталым. Принц тоже выглядел устало, не лицо, но глаза его были какими-то... постаревшими. Ну, не постаревшими, н рано повзрослевшими уж точно.

— Не поверил, говоришь, — ведьма усмехнулась и как-то совсем не по-женск сплюнула на землю сквозь зубы. — Ох, дур-рак.

Принц, казалось, не обиделся, а просто продолжал сидеть молча. Он пришел вопросом, он все рассказал и теперь ждал ответа. И знал, что ведьму Бледно холма не надо перебивать, потому что если она говорит, то говорит дело. Так ем сказали в соседнем городе, откуда он и ускакал втихую вчера под вечер, чтобы утру добраться до этого самого холма.

— Чего ты хочешь, Принц? — вдруг быстро спросила его ведьма, и, не успев толком подумать, Принц ответил привычно:

— Счастья.

— Счастья... А-а-а... — протянула ведьма. — Но счастье, которое подарил теб Карло, кончилось. Чьего счастья ты хочешь теперь? Может, моего, а?

— Нет, — Принц взглянул укоризненно, — я хочу своего.

— Да нет, — вдруг как бы сама себе возразила ведьма. — Вы оба дураки. Ты и Карло. Причем круглые!

— Почему? — удивился такой перемене в оценке ситуации Принц.

— Он, потому что додумался, старый дурак, подарить тебе свое счастье, а ты — потому что хочешь своего счастья, угробив чужое. О чем вы оба думали, хотела бы я знать?

— Это несправедливо, — запротестовал Принц, — я ничего не знал об этом. Я не отвечаю, я не принимал на себя такого. Это все Карло.

— Ох, — ведьма глянула было на Принца неприязненно, но неприязнь тут же сменилась жалостью, — выходит, тебя обманули и, того хуже, обокрали, паршивца?

— Но это неправильно, — продолжал упорствовать Принц. — Почему он все решил за меня? Почему я должен отвечать за то, что сделал он? Зачем он это делал? Я же не просил! Мне теперь что же, своим несчастьем расплачиваться за его выбор?

— Вот и я думаю: зачем он это сделал? — как бы сама себя спросила ведьма, — он что, плохо тебя знал?

— Почему “плохо знал”? — удивился нелогичности Принц.

— Да это я так, о своем.

— Вот я и говорю, — продолжил настаивать Принц, — я не отвечаю за него, мне нужно свое счастье.

Ведьма тяжело вздохнула и вдруг в упор посмотрела в лицо Принца:

— А как же он?

Повисло тяжелое молчание.

— Не надо так, ведьма, — наконец сказал Принц, — чего ты хочешь от меня? Чтобы я вернул ему его счастье? Так у меня его нет. Потратил. А может, он сам потратил так, как хотел, откуда мне знать. Отчего мне чувствовать себя должным? Я не должен ни ему, ни кому-то другому. Я хочу жить для себя. Вот смотри, он стал жить не для себя — и что получилось? Ты не можешь этого требовать от меня.

— Да... — ведьма еще раз энергично подтвердила свое мнение, — дурак!

— Ну нет, — резко возразил Принц. — Я не дурак. Если я не хочу поддаваться тебе и думаю о своем, это не значит, что я дурак.

— Не ты, — устало кивнула ведьма. — Карло.

Она встала и тихонько побрела в дом.

— Пстой, — повысил голос Принц, — ты так ничего не добьешься. Вы оба не добьетесь! Я не хочу приносить счастье по обязанности. Я не за этим пришел. Я пришел за своим счастьем! Я не хочу...

Но ведьма уже скрылась в доме. Костер вспыхнул в последний раз и погас. Темнота поглотила Бледный холм.

Утро застало Принца на прежнем месте. Он умел быть упорным. Может, счастье у него было и чужое, но упорство, уж точно, свое.

Когда солнце было уже близко к зениту, из дома показалась ведьма и, не глядя на Принца, прошаркала к костру. Она щелкнула пальцами, и над обугленными головешками взвились языки пламени. Рыжая швабра выпорхнула вслед за хозяйкой и засуетилась над завтраком.

— Ждешь? — наконец, подала голос ведьма.

— Да.

— Чего ждешь?

— Скажи мне, ведьма, если у меня не будет своего счастья, пока я не верну чужо то как мне его вернуть? Скажи, я сделаю. Я так решил.

По усталому лицу ведьмы против ее воли скользнула улыбка. Не насмешка, и радость, а какая-то материнская нежность шевельнулась в ее душе. И вместо обычного “дурак” в ответ прозвучало иное:

— Эх, несмышлениш.

— Да перестань уже ругаться, — голос Принца звучал ровно, — скажи что делать!

— Ох, Принц, — ведьма устроилась на чурбачке рядом. — Ты хочешь свое счастье? Ты спрашиваешь, что делать? Ну, слушай.

Голос ведьмы зазвучал глуше, и даже движения Рыжей швабры стали осторожными и будто бы бережнее.

— Карло тебе не соврал, Принц. Счастье нельзя наколдовать. А теперь, слуша Принц, мою правду: И НАЙТИ СЧАСТЬЕ НЕЛЬЗЯ ТОЖЕ. Ты понял меня несмышлениш?

Принц молчал и смотрел на ведьму, напряженно ожидая продолжения. И ведьма продолжала:

— Карло это знал. Со счастьем можно только родиться. Многие и рождаются ним — немногие доносят до взрослых лет. У тебя то ли не было, то ли не донес, не знаю твоей жизни. Но счастье можно подарить. И Карло тебе свое подарил. Отдал. И вот оно кончилось. Ты не уберечь его, Принц.

Голова Принца опустилась, и голос дрогнул:

— И это — все? Ничего нельзя сделать?

И в замершем на этот миг воздухе прозвучал спокойный ответ:

— Ну, почему же. Можно. И это Карло тоже знал. Потому что не такой уж он дурак Принц слушал ведьму, стараясь не шевелиться. Тяжелые облака кружили вокруг Бледного холма, и ярко в солнечном свете горело пламя ведьминой костра.

— Карло не дурак. Он понял, что ты все-таки можешь быть счастлив, пусть и не своим счастьем (видно много у него было, раз захотел подарить), но можешь. И не буд ты таким медноголовым упертым фанфароном, — ведьма передразнила голос старика, и его счастье становилось бы твоим. И тебе бы не пришлось переться такую даль.

— Но это, — Принц медленно подбирая слова, — это же как-то... Какой-то базис — “ты мне, я тебе”. Это неправильно. Несправедливо.

— Ну и что, — в голосе ведьмы звучало откровенное ехидство, — ты ведь хочешь счастья. Или теперь ты хочешь справедливости?

— Но я не хочу, — слова Принца звучали едва ли не возмущенно, — я не хочу *покупать и платить!* Я хочу сам решать кому и что дарить, кому нести счастье, кого любить. Я хочу выбирать сам. Я не хочу быть обязан.

— “Я хочу”, “я не хочу”, — передразнила ведьма. — Ты много чего хочешь. “Справедливо”, бр-р-р! Выбирают не словами, а делом. Ты жил этим счастьем, которого теперь, задним числом, не хочешь. Ты жил им, и не жаловался. И речь идет не о том, чтобы платить, медный твой лоб, а чтобы поддержать и сохранить то, что у *тебя* есть, раз тебя только это и волнует.

— Да почему только это?

— А то нет, — ведьма уже откровенно потешалась, но была в этом какая-то горечь, как будто все это касалось и ее, — “мой выбор”, “я не хочу”, “мое решение”, “не хочу обязанностей, хочу счастья” — это твои слова? Ну и где там кто-то, кроме тебя?

— Ну хорошо, — Принц пожал плечами, всем своим видом показывая, что он готов защищаться, — меня это волнует. Я такой. Мне это нравится. Я хочу своего счастья, слышишь, ведьма, своего. А не купленного. Пусть у меня будет свое. Вот тогда и я смогу подарить. Хотя бы и тому же Карло, раз уж ты так хочешь. Что, ради него ты мне скажешь ответ? Или так и нет способа?

— Нет предела твоему великодушию и душевной щедрости, — не могла не съязвить ведьма. — Почему же, способ есть. Только он не для тебя. Кишка тонка.

— А ты меня испытай. Вдруг я смогу.

— Ты? — ведьма хохотнула, — Да пожалуйста, скажу. Ты все равно не поймешь.

— Ты скажи, а там поглядим.

— Изволь. Но если перебеешь — пеняй на себя.

Принц молча кивнул, и ведьма наконец посмотрела на него одобрительно.

— Слушай, Принц. Счастье Карло — это и твое счастье. Пока счастлив он, счастлив ты. Это, я надеюсь, хоть и сквозь пелену ослиного упрямства, до твоих грандиозных мозгов дошло. Слушай дальше. Ты прав, простая забота о старом Карло — это обеспечение себя, покупка, как ты говоришь. Не знаю уж, чем это тебя так не устраивает, сотни людей о таком и мечтать не могут. Где еще есть такой олух, который подарит свое счастье? Но я отвлеклась. Но если ты сможешь — я не знаю как, сразу предупреждаю! — дать ему БОЛЬШЕ, намного больше, больше чем любая, даже самая щедрая оплата, больше, чем он сам когда-то мечтал, куда больше, чем все, что он сделал для тебя, и дать РАЗОМ, в один момент... молчи, я же сказала, что не знаю как, но — и это ключ ко всему — сделать это надо в один миг, ну, может, в один день, в один год, словом, это должно быть что-то одно, что сразу даст ему больше, много больше счастья, чем то, что он подарил тебе, вот тогда все это станет счастьем твоим, это будет то, что сделал ты. Ты ведь этого хотел? Только, вот беда, это будет *подаренное* тобой счастье, Принц. Нужно тебе такое *свое счастье* — которое нельзя присвоить, можно только подарить? Молчишь? Правильно. Не всякий колдун и не всякая ведьма могут это понять. И... нет, Принц. Я не знаю, что именно тебе нужно сделать. И, признаться, не очень верю, что ты сможешь. Потому что, что бы это ни было, это будет чудо. Ты веришь в чудеса, Принц? Я — не очень.

— Как это? — такое заявление из уст ведьмы было для Принца как-то уж очень неожиданным, и он-таки открыл рот. — А разве ведьмы не колдуют?

— А? — ведьма грустно усмехнулась, — это так, фокусы. Вот Карло, он умел. А я Нет, мое дело — фокусы.

Неподалеку от города, в котором правил Принц, на лесной опушке сидели двое разговаривали. Один был постарше, в старом дорожном плаще. И, хотя волос его не были растрепаны, а лежали ухоженно, ведьма узнала Колдуна. Конечно она ведь смотрела не глазами, а своей, много чего выдавшей душой. Вторым, он видел и это, был Принц. Правда, на лице его не было знакомой упрямой маск черты были мягкими, а глаза просто добрыми, без примесей, но это был Принц, ведьма тихо улыбнулась ему, не боясь, что ее увидят.

Она не знала, о чем они говорят, но в лице Колдуна не было той смертной тоск которая медленно наплывала все последнее время. И еще — еще Принц обеими своими руками держал руки старика, держал бережно и очень нежно.

Двое разговаривали. И, глядя на них в пламени костра на Бледном холме, плакал ведьма. Она не боялась, что ее увидят, и слезы быстро катились одна за другой и прикрытых веками глаз.

— Дура, — шепотом повторяла она и сама прислушивалась к этому шепоту. А губы вновь и вновь повторяли одно и то же, — Дура. Дура!

Ведьма знала, что губы шепчут правду. Потому что она, выдавшая многое многих, смеявшаяся над сильными, смелыми и страшными, ткнувшая многих умников в их собственное скудоумие и окоротившая всех наглецов в округ включая неумную Рыжую швабру, она, немолодая уже ведьма, сделала саму большую глупость, которую только и можно сделать в жизни. Она подарила св счастье.

Подарила тем двоим, что сидели сейчас на опушке. Ведьма не стеснялась своих слез. Слезы катились бесшумно, только вздрагивали острые плечи по осторожно наброшенной Рыжей шваброй шалью. Ведьма Бледного холма собиралась плакать еще долго. Она имела на это право, как никто другой. И она плакала — плакала о себе.